

Фу Юньчжэнь был немного ошарашен этой историей: «Ты действительно в это веришь?»

Ю Хэ кивнул: «Мне нравится слушать эти загадочные и сверхъестественные истории. Кажется, что в этом мире есть вещи, которые невозможно объяснить наукой». Хотя он никогда не использовал третью иглу, в раннем детстве он обидел слишком много духов, и поэтому потерял зрение на один глаз, когда ему было за сорок».

Фу Юньчжэнь, все еще чувствуя холодок по позвоночнику, сказал: «Но я слышал, что он потерял зрение из-за катаракты».

Ю Хэ на мгновение задумался, а потом ответил: «Мастер Мэн сказал, что это из-за того, что он оскорбил духов».

Фу Юньчжэнь выбросил высохшую спиртовую салфетку в мусорное ведро, взял Ю Хэ за запястье и сказал: «Мастер сказал: "Мудрый человек не верит в суеверия". Давайте пока прекратим настраивать оборудование для прямой трансляции и спустимся вниз, чтобы вместе переписать некоторые писания».

Ю Хэ: «???»

Освежающий аромат наполняет кабинет, поднимаясь прямо в воздух, создавая мягкие волны вокруг горелки для благовоний и возносясь к небу.

Сидящий поодаль Ю Хэ наблюдает за тем, как Фу Юньчжэн разворачивает лист рисовой бумаги с золотым напылением, одной рукой растирая тушь.

Движения Фу Юньчжэна грациозны и напоминают благородного молодого мастера с картины. Он поднимает глаза и бросает на Ю Хэ взгляд, одновременно уверенный и очаровательный.

Ю Хэ откладывает «Дао дэ цзин» в сторону: «Не слишком ли «Дао дэ цзин» ортодоксален? Достаточно ли он силен, чтобы стабилизировать ситуацию?»

«Копировать писания нужно для успокоения ума, а не для изготовления талисманов», - Фу Юньчжэн заканчивает растирать тушь, поднимает запястье и с легкостью записывает строчку иероглифов.

Ю Хэ похвалил: «Ты подражаешь "Куай Сюэ Ши Цин Тие"?»

Обмакнув кисть в тушь, Фу Юньчжэн поворачивает голову и отвечает: «Да, я восхищаюсь каллиграфией Ван Сичжи».

Ю Хэ тоже заинтересовался. Он берет кисть, обмакивает ее в тушь и пишет два иероглифа: «Я

изучал тонкий золотой шрифт Чжао Цзи».

Он добавляет иероглиф «Хэ» (журавль) после ранее написанного «Юньчжэн».

Ю Хэ комментирует: «Иероглиф "Хэ" выглядит красиво в тонком золотом письме».

Иероглиф «Хэ» в традиционном письме состоит из множества штрихов, а структуру тонкого золотого письма освоить крайне сложно. Однако кисть Ю Хэ проворна и быстра, штрихи тонкие и энергичные, идеально воплощающие характерную черту тонкого золотого шрифта - «чрезвычайно тонкий, но не лишенный содержания», а скрытые резкие повороты хорошо видны.

Тонкое золотое письмо также известно как «журавлиное письмо». Кто, не обладая настоящим мастерством, осмелится использовать тонкий золотой шрифт для написания иероглифа «Хэ»? Иероглиф перед нами имеет плотную внутреннюю структуру и плавные внешние штрихи, напоминающие изгиб и кручение металла, пропитанные благородным духом и тонким очарованием.

Такой работы кистью невозможно достичь без десятилетней практики.

Фу Юньчжэн несколько удивлен: «Ваша каллиграфия мягкой кистью настолько хороша?»

«Не стоит меня недооценивать. Мои навыки пришли в результате тщательного изучения», - Ю Хэ уверенно наносит штрих на бумагу, быстро рисуя яркого кролика тушью. Юноша, чувства которого только начинают расцветать, мечтает показать все свое мастерство возлюбленной: «Я также несколько дней учился живописи у мастера Линь Вэнь-шуя».

Услышав имя Линь Вэнь-шуй, Фу Юньчжэн сделал небольшую паузу: «Мастер китайской живописи Линь Вэнь-шуй?»

«Мм...» Ю Хэ рисует еще одного кролика, создавая пару. Удовлетворившись, он откладывает кисть и с гордостью постукивает по рисовой бумаге: «Старый клинок все еще острый».

После минутного молчания Фу Юньчжэн спрашивает: «У вас большой талант в каллиграфии и живописи. Почему вы не продолжали учиться?»

Услышав, как Фу Юньчжэн хвалит его талант, Ю Хэ слегка приподнимает брови. Не в силах скрыть гордость, он говорит: «Обучение китайской живописи означает стать подмастерьем и служить мастеру у него дома. В то время я был очень молод, мне было всего восемь или девять лет. Моя мать... моя приемная мать считала, что я не способен сам о себе позаботиться, и не отпускала меня».

В этот момент Ю Хэ схватил Фу Юньчжэна за рукав и сказал: «Я только что вспомнил, что

тогда у меня каждый день был жар, и температура не спадала даже после приема жаропонижающих лекарств. Должно быть, я весь горел и бредил. Наверное, это была какая-то одержимость. Наша уборщица носила меня по всей вилле, ругаясь на все лады, и после этого мне стало лучше. Какое совпадение. Вы когда-нибудь слышали, что призраки боятся злых людей?»

Фу Юньчжэн писал, когда Ю Хэ схватил его, отчего тушь на кончике кисти внезапно упала, оставив большое чернильное пятно на рисовой бумаге. Он не рассердился, а просто поднял испорченный лист и заменил его новым.

Фу Юньчжэн произнес с глубоким смыслом: «Люди также боятся злонамеренных личностей».

Ю Хэ на мгновение остолбенел от удивления и недоумения: «Что вы имеете в виду?»

Отложив кисть, Фу Юньчжэн сказал: «Я редко говорю без оснований... но знаешь ли ты, почему я настоял на том, чтобы забрать тебя из Цзиньсе Террас?»

Ю Хэ посмотрел на Фу Юньчжэна, в его глазах отразилась незапятнанная искренность и простота: «Разве не потому, что я хорош собой?»

«Симпатичный», - подтвердил Фу Юньчжэн, поставив чернильную точку в уголке глаза Ю Хэ. «Я положил на тебя глаз, потому что ты хорош собой...» , - он провел большим пальцем по лицу Ю Хэ, жадно разглядывая пятно на щеке: «Другие тоже обращают на тебя внимание, естественно, потому что ты хорош собой».

Только тогда Ю Хэ вспомнил, что говорил ему Ван Учунь: кто-то расспрашивал о нем, кто-то хотел причинить ему вред, кто-то хотел воспользоваться им.

Находясь рядом с Фу Юньчжэном, Ю Хэ почти забыл об этих кризисах. Понятно, что Фу Юньчжэн хотел воспользоваться им, но что касается того, кто хотел причинить ему вред...

Ю Хэ медленно расширил глаза.

«Среди них Линь Вэньшуй», - уверенно заявил Фу Юньчжэн. «Учитывая, что в восьмилетнем возрасте ты едва не стал его учеником, я не могу не подозревать, что тогда ты едва избежал катастрофы».

На лице Ю Хэ появилось выражение, которое трудно было принять: «Этого не может быть... Мастер Лин...»

Он вдруг вспомнил слова Линь Вэньшуй:

«В древности белый журавль был признан элегантной птицей высшего класса, символизирующей верность, честность и благородство».

«Ты достоин имени "Хэ" (журавль)».

«Гордый и кристально чистый, не запятнанный мирской суетой, этот ребенок мне очень нравится. Раз уж нам суждено встретиться, я буду учить его несколько дней. Если он проявит талант, я заберу его к себе и лично научу его рисовать».

.....

«Ю Хэ, держи кисть правильно. Я буду держать тебя за руку...»

.....

<http://bllate.org/book/15218/1343198>